

У сувязі з тым, што задачы аптымальнага рэгулявання ўзаемадзеяння культуры і прыроды адносяцца да глабальных і фундаментальных праблем чалавечага быцця, яны патрабуюць вылучэння на першы план аб'яднанне разнастайных інтарэсаў вучоных, пакідаючы на другі план іх разыходжанні. Прырода і культура – адзіны агульны дом, у якім жывуць усе людзі і народы. Па гэтаму вялікая сацыяльна-гістарычная і гуманістычная місія вучоных заключаецца ў тым, каб усеагульным розумам і чыстым сумленнем зберагчы гэты дом.

Смолик Д.А.

ДЕСТРУКЦИЯ КАК БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время в социальном познании усилился интерес к универсальным категориям культуры, которые возникают в сознании человека не только как намеки на возможные значения, но и как отклики на предшествующий опыт человека в целом. Эти универсалии философы называют еще концептами культуры. Так, известный российский культуролог А.Я. Гуревич разделяет культурные концепты на две группы: философские и социальные категории. Понятие “деструкция”, на наш взгляд, следует относить к ключевым концептам культуры, занимающим важное положение в коллективном сознании, а потому их исследование является чрезвычайно актуальной проблемой.

Постоянно растущее во всем мире насилие и деструктивность привлекают внимание специалистов и широкой общественности к изучению сущности и причин разрушительности. В современной философской, социально-политической и психологической литературе встречаются разные толкования этого понятия и причин деструктивности. Мы рассматриваем это явление с социокультурных позиций, что позволяет нам определять деструкцию как процесс снижения уровня системно-иерархической структурированности, сложности и полифункциональности культурного комплекса какого-либо сообщества в целом или отдельных подсистем этого комплекса, т.е. полная или частичная деградация данной локальной культуры как системы. Хотя всякая локальная культура включает в себя и определенный пласт внесистемных явлений (“маргинальных полей” и других феноменов), ее социально интегрирующее ядро представляет собой сравнительно жестко структурированную и иерархизированную систему ценностных ориентаций, форм и норм социальной организации и

регуляции, языков и каналов социокультурной коммуникации, комплексов культурных институтов, стратифицированных образов жизни, идеологии, морали и нравственности, церемониальных и ритуальных форм поведения, механизмов социализации и инкультурации личности, нормативных параметров ее социальной и культурной адекватности, приемлемых форм инновативной и творческой деятельности и т.п. Часть элементов этого комплекса складывается конвенционально, на основе практического опыта социальной жизни людей и передается от поколения к поколению посредством традиций, другая часть формируется и регулируется с помощью различных социокультурных институтов; однако работают они как единая, весьма сложная, полифункциональная и полисемантическая система.

Социокультурная деструкция представляет собой нарушение (иногда постепенное “размывание”) функциональной целостности и сбалансированности этой системы, в определенном смысле ее дисфункцию, ведущую к понижению возможности эффективного регулирования социальной жизни людей.

Общественность встревожена процессом разрастания жестокости в современном обществе. В 2002 году в Беларуси насчитывалось 31 100 сирот, абсолютное большинство из них (98%) потеряли родителей по социальным причинам. Это значительно больше, чем в 1946 году. Сегодня наша страна занимает одно из первых мест по “брошенным” детям среди стран СНГ. Имеют место факты убийства матерями новорожденных.

Кто эти женщины – выродки или обыкновенные персонификации человеческого зла? Может жесткость запрограммировано в человеке, связано с врожденным инстинктом, который ждет своего места и часа и использует любой повод для своего выражения?

На наш взгляд, наблюдаемые признаки начавшейся социокультурной деструкции связаны, прежде всего, с нарастающими процессами маргинализации населения, выхода все большего числа людей из зоны эффективной регуляции сознания и поведения средствами доминантной в данном сообществе культурной системы и, прежде всего – со стороны комплекса ее культурных институтов; падением эффективности процедур социализации и инкультурации личности членов сообщества средствами воспитания, образования, религии, государственной идеологии и пропаганды; деградации подсистемы ценностных ориентаций, традиционной морали, нравственности и т.п., падением престижности легитимных форм достижения желаемого социального статуса и доступа к социальным благам при одновременном возрастании популярности противозаконных и криминальных методов решения этих задач и пр. Таким

образом, зона действия исторически сложившихся и закреплённых в культурной традиции и институциональных нормативах социально приемлемых паттернов сознания и поведения людей постепенно сокращается, равно как и процент населения, контролируемый и регулируемый со стороны действующей социокультурной системы, и одновременно расширяется зона влияния “маргинальных полей” культуры, где управление формами жизнедеятельности людей осуществляется со стороны локальных и столь же маргинальных квазисистем (типа “воровского закона”, “хипповой тусовки”, ритуалов эзотерических сект и т.п.). Собственно это и есть начало социокультурной деструкции в ее наиболее “зримом” воплощении.

Многие ученые считают, что разрушительное поведение людей, проявляющееся в войнах, преступлениях, личной драчливости и прочих типах деструктивного и садистского поведения, имеет филогенетические корни, т.е. относится к развитию вида или рода в отличие от онтогенетического – относящегося к индивидуальному. Такое толкование врожденной деструктивности не разделяют представители бихевиористического направления. Они выводят человеческую разрушительность из влияния на человека окружающей среды. На наш взгляд, ни та, ни другая не дают полного ответа на постоянный вопрос.

Думается, причины возникновения процессов социокультурной деструкции, как правило, связаны либо с резким изменением природных или исторических условий существования сообщества (наиболее типичные примеры: вспышки мародерства и бандитизма в зонах стихийных бедствий или военного разорения, возрастание криминальной активности, а также проявлений социальной и национальной нетерпимости среди населения воюющих государств), либо с социальными кризисами во внутреннем развитии сообществ (революции, смуты, бунты, резкие изменения в общем строе социальной организации, нормах социального потребления и распределения, деградация существующих и своевременно не модернизированных институтов социального управления и т.п.); примеры: революция и гражданская война 1917-1920 гг., “перестройка” и “постперестройка” конца XX в.

Исторические последствия социокультурной деструкции могут быть различны: от фактической дезинтеграции социума, утратившего целостность консолидирующей и мобилизующей его культурной системы до постепенного восстановления регулятивной эффективности прежней системы в ее более или менее традиционных формах или формирования новой системы, основанной на новых консолидирующих ценностях.

Тем не менее, социокультурная деструкция (даже временная) во всех случаях является серьезнейшим испытанием сообщества на прочность и устойчивость его социокультурной системы как универсального механизма социальной интеграции и регуляции.

Именно этим объясняется столь пристальное внимание исследователей к данной проблеме. Ее изучали австрийский психолог Зигмунд Фрейд, американский философ Эрих Фромм, австрийский естествоиспытатель Конрад Лоренц и др. З.Фрейд уже в 20-х гг. прошлого столетия создал концепцию, в которой страсть к разрушению (“инстинкт смерти”) занимает точно такое же место, как и страсть любви (“жажда жизни”, “сексуальность”).

К. Лоренц в книгах, посвященных данной проблеме, утверждал, что разрушительное поведение людей запрограммировано в человеке, связано с врожденным инстинктом. Э. Фромм отмечал в своих трудах недостатки теории, основанной на природе инстинктов, и в то же время подчеркивал, что насилие коренится в звериной натуре человека, в неодолимом инстинкте агрессивности и что самое лучшее для нас постараться понять, что сила и власть этого влечения оказываются закономерным результатом эволюции.

В противоположность инстинктивизму представителей бихевиоризма не интересуют субъективные мотивы, силы, навязывающие человеку определенный способ поведения. Их интересуют не страсти или аффекты, а лишь тип поведения и социальные стимулы, формирующие его. Палеонтология, антропология и история дают нам многочисленные примеры, противоречащие теории инстинктов.

Во второй половине XX в. произошла радикальная переориентация ученых с аффектов на поведение. Ученые изгнали из своего научного обихода понятия страсти, считая страсть не подлежащей научному анализу. Поведение само по себе, а не человек, ведущий себя так или иначе, стало предметом главного научного направления. Общая тенденция – доказать вменяемость личности, показать, что истоки нравственности, равно как и деструктивности, следует искать в человеческой свободе. Однако сама свобода – сложный феномен. Она есть не совращение человека, а мера его ответственности. Следовательно, в мире человека деструктивностью чревата не сама природа его, а нечто иное, что может в отдельных случаях сопутствовать жизни человека: отсутствие прочной культурной традиции, нищета, отчужденная от внутренних потребностей человека, социальная и духовная структура общества.